

16+

Артур Круг

В долгу у прошлого

Воспоминание и дневниковые заметки
российского немца

Артур Круг

**В долгу у прошлого.
Воспоминание и дневниковые
заметки российского немца**

«Издательские решения»

Круг А.

В долгу у прошлого. Воспоминание и дневниковые заметки
российского немца / А. Круг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857015-5

Книга рассказывает о судьбе российских немцев, о том, как 76 лет назад, в год моего рождения, Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в Поволжье» вся немецкая диаспора (от стариков до грудных детей) была отнесена к категории неблагонадёжных и депортирована из родных мест в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан.

ISBN 978-5-44-857015-5

© Круг А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Глава 1	7
Бесчеловечный указ	7
Глава 2	13
Вот такие, как «ого»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В долгу у прошлого Воспоминание и дневниковые заметки российского немца

Артур Круг

Памяти моих родителей посвящается

© Артур Круг, 2024

ISBN 978-5-4485-7015-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воспоминания и дневниковые заметки российского немца

Казахстан – Германия – Россия

г. Курган, август 2017 года

Предисловие автора

Книга рассказывает о судьбе российских немцев, о том, как 76 лет назад, в год моего рождения, Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в Поволжье» вся немецкая диаспора (от стариков до грудных детей) была отнесена к категории неблагонадёжных и депортирована из родных мест в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан.

Из архивных документов, писем и бесед могу подтвердить, что на Волге до этого не роскошно, но сносно жили почти два столетия по приглашению немки, русской императрицы Екатерины Второй выходцы из Германии мой дед с семьёй и поколения прадедов.

С этого клеветнического указа начался путь страданий поволжских немцев: долгие годы гражданских запретов, ограничений и унижений, сталинских репрессий, отголоски которых дают о себе знать и поныне.

О том, как это было, об участии, постигшей большую династию семейства А. Ф. Майера (моего деда), о судьбе моих родителей, отца-политрука, пропавшего без вести на войне, матери, которой пришлось вынести на своих плечах все невзгоды военного лихолетья.

О родственниках и знакомых, которые с тяжёлым сердцем уехали в Германию и далеко не все обрели там счастье, о разочарованиях, что путь на Волгу им был навсегда закрыт.

Воспоминания и дневниковые заметки повествуют о моей собственной судьбе. О голодном детстве, комсомольской юности, о встречах с интересными людьми, о друзьях по работе, учёбе, службе в Армии, о взлётах и падениях, мытарствах по отъезду в «пригожую» Германию и возвращению на «круги своя». О не покидающем меня ощущении, что всегда был чужим среди своих и своим среди чужих.

Книга снабжена историческими документами и семейной хроникой.

Выражаю особую признательность сыну Виталию и дочери Светлане за помощь и поддержку в написании книги, внучке Ксении – за корректуру.

Глава 1

*Лучший подарок для будущего – прошлое.
Байрон, Джордж Гордон – поэт*

Бесчеловечный указ

Все начинается с детства. Как и у многих сверстников, родившихся в годы военного лихолетья, детство у меня было далеко не безоблачным.

Накануне войны отца, директора одной из школ Поволжья, призвали в армию. Моя мама работала тогда учительницей в той же школе, где директором был отец. Школа находилась в сорока километрах от ее родного села. Ожидая ребенка, она оставила работу. Но уже через две недели после родов вынуждена была в весеннюю распутицу на лошадях, с грудным ребенком на руках, добираться до места работы. Порядки были строгие. Опоздание каралось увольнением.

Здесь, в школе, и застала ее страшная весть о начале войны и не менее страшный сталинский Указ от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

Об атмосфере, которая царила в то время в немецких селах, написано немало. По рассказам мамы, а она была в большом семействе деда Майера

самой образованной, сообщение о выселении немцев из родных мест повергло всех в шок. За что?

Дедушка растерянно поднял руки к небу и пробормотал: «Что же теперь с нами будет, господи?»

В памяти прокручивались картины прошлого, как в калейдоскопе. Почти два столетия до этого, точнее 179 лет назад, немцев пригласили в Россию. И не кто-то – пригласила сама Екатерина II. Немка, великая русская императрица, названная при рождении Софьей Фредерикой Августой Ангельт-Цербской. В молодости она была привезена в Русскую империю в качестве невесты наследника престола, а в 1762 году – коронована на царство.

Как правитель, она уважала, любила и ценила Россию и все исконно русское. Зачем же ей нужны были немцы? Далеко не из-за национальных чувств. Впервые немцы появились здесь еще при Петре I, который пригласил их, как людей ученых и мастеровых. Екатерина же увидела и возложила на них несколько иную задачу. Она была одержима идеей увеличения могущества своей империи. И добилась этого. Через 30 лет после её воцарения население России возросло более чем в полтора раза. И здесь не малую роль сыграло как раз переселение немцев и ее Манифест 1762 года «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах».

Уже через год появились «подзаконные акты» – документы, предусматривающие переселенцам невиданные льготы. Личная свобода и поселение на выбор в любой местности России. Освобождение от любых налогов в сельской местности до 30 лет, в городских – до 5 лет. Тем, кто организовал производство разрешалось торговать и даже беспошлинно вывозить свои товары за пределы страны. Ссуда представлялась на 10 лет без процента на обзаведение жильем, обстановкой, хозяйством, возмещение расходов на дорогу. Переселенцы освобождались от воинской повинности. Гарантировалось свобода вероисповедания.

Процесс заселения необжитых российских земель приобрел массовый характер. Людской поток из Европы хлынул в Россию. Немцы осваивали поселения, разрабатывали землю, заво-

дили хозяйства. Колонии на Волге росли, как на дрожжах. Если в 1765 их было всего 12, то в 1769 уже 105.

Правительство Екатерины II установило для немецких колонистов в Поволжье главную задачу – развитие земледелия. Немецкие переселенцы с этой задачей в целом справились. Они производили главным образом рожь, а так же выращивали картофель, увеличили посевы льна, конопли, табака и других культур. Уже в XIX веке получила развитие и промышленность. В Поволжье развивалось мучное производство, маслобойное дело, изготовление сельскохозяйственных орудий труда, производство шерсти и полотна.

В октябре 1918 года В. И. Ленин подписал Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР «О создании области немцев Поволжья». Декретом ВЦИК от 20 февраля 1924 года Автономная область была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику. Ее столицей стал Покровск, переименованный в Энгельс.

Труд и обычаи поволжских немцев позволили им создать один из процветающих российских провинциальных уголков. Республика стала одной из первых по сплошной грамотности. Здесь насчитывалась 171 национальная средняя школа, 11 техникумов, 3 рабочих факультета. Кроме того имелось 172 учреждения культуры, Немецкий национальный театр и театр для детей. Издавалась 21 газета на немецком языке.

Однако в 30-е годы коллективизация и уничтожение частной собственности привели к печальным последствиям. Немцев, как и всех крестьян, сгоняли в колхозы и лишили привычной жизни. Многие не пережили голод. Были уничтожены самые эффективные и продуктивные хозяйства. Фермеры, владельцы небольших предприятий подверглись репрессиям. Дедушка в 30-е годы, как середняк, избежал этого только потому, что в селе он был единственным специалистом по оборудованию и ремонту веялок. Руководство сельского совета отстояло его, хотя дома уже стоял переполох...

В состоянии тревоги проходили спешные сборы. На них отводилось двадцать четыре часа. Подводы подали ровно через сутки. Оставлялось все: могилы предков, обжитые места, нескошенные пшеничные поля, один из лучших в селе дом, построенный руками деда, прекрасный сад, мебель, живность, запасы...

Раннее утро, немецкие семьи толпились в ожидании поезда. Куда их повезут они не знали. Здесь они были учителями, рабочими, инженерами. Их трудолюбию и аккуратности учились русские. Они своим трудом и кровью поднимали, улучшали эту землю. В чём же их вина?

В «теплушки» с наспех собранным жалким скарбом грузились с ощущением страха, что вагоны с людьми будут сброшены в могучие воды родной Волги...

Эти переживания существовали реально. Ведь Указ страшил, пугал и угрожал: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти».

И далее: «В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами, и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья». Вот так, и не меньше.

Карательные меры! И против детей тоже? За что? Ужас какой-то. Откуда было взяться многочисленным диверсантам и шпионам? Этому не верили. Но война есть война. Чем черт не шутит?!

Дорога в неведомые края была долгой и тяжелой. Вместе с шестью другими семьями в одну из «теплушек» попало и семейство деда: бабушка и бабушка с баулом прихваченной кое-какой одежды и ящиком столярных инструментов, их сын Александр с женой Лизой и двумя детьми в возрасте двух с половиной и полутора лет. Здесь же размещались старшие дочери Катя и Малюша с семьями, младшие дочери – Фрида и Марта – и моя мама со мной на руках – пятимесячным голубоглазым, рыжеволосым, всем на удивление, сыном.

Как-то раз во время одной из остановок мама со мной, выйдя подышать свежим воздухом и купить молока, попросила сопровождающего вагон красноармейца подержать меня. Но не успела она оглянуться, как солдата на месте не оказалось. Оказывается, он решил подшутить над молодой мамашей и скрылся в соседнем вагоне. Мама пришла в отчаяние. В вагоне стоял переполох: «Ребенка унесли». Но все закончилось благополучно. Позабавившись со мной, красноармеец вскоре принес меня в вагон целым и невредимым.

На десятые сутки поезд, шедший в направлении нынешней Астаны, прибыл на одну из железнодорожных станций, возле которой стояло несколько подвод и грузовик. По просьбе деда мама узнала, что машина ждет переселенцев из Поволжья, она из с. Николаевки Щучинского района, что в семидесяти пяти километрах от станции. Договорившись с водителем и решив процедурные вопросы, семейство Майеров отправилось к месту, которое для бабушки и бабушки стало последним пристанищем в их нелегкой судьбе.

...Первые дни и месяцы на новом месте были особенно трудными. К великой неустрашенности добавились холод и голод, отчуждение и унижение. Мама рассказывала, что семья прибыла в Николаевку без единой крошки хлеба. Выручила одна из сердобольных местных жительниц – украинка. Увидев очень голодных, невесть откуда прибывших людей с маленькими детьми, она принесла из своего двора полведра картошки, которая тут же была сварена на костре и съедена, конечно же, без соли. Соль в селе была на вес золота. Маме пришлось обойти все село, чтобы выменять привезенную с собой единственную выходную юбку на стакан соли...

Как я уже говорил, до войны моя мама работала учительницей в школе. Теперь, в селе, где проживали в большинстве своем граждане украинской национальности, прибывшие сюда в годы сталинских реформ, когда значительная часть местных мужчин находилась на фронте и уже приходили похоронки, учительнице-немке было трудно рассчитывать на работу по специальности. Она ее получила только после войны. Во время войны работала везде, где придется.

Об отце моем никаких известий не было. Последнее письмо было получено за пять дней до указа от 28 августа 1941 года, в котором он сообщил, что находится в Киеве, только что вернулся с линии фронта, жив, хотя опасностей для жизни было немало. Просил писать коротко и сразу. На этом связь с моим родным отцом прервалась...

Случилось так, что после смерти на Севере старшей дочери деда, мама оказалась для ее детей не только родной тетей, но и фактически второй матерью. Вернувшись из трудармии после войны, ее муж как-то незаметно оказался моим отчимом, с которым у меня сложились довольно непростые отношения.

Отчима я отцом не называл. Рос под присмотром мамы, сам по себе, с каким-то двойным чувством ожидания отца с фронта, постоянного ощущения голода, какой-то непонятной подавленности и тревоги. К тому же отчим был надломлен физически и морально, частенько возвращался домой под хмельком, устраивал дома маме, которая к тому времени устроилась на работу, сцены ревности, нередко завершавшиеся крупным скандалом. Я пытался вступить

за маму, спрашивал: «Почему пьешь?», но непременно получал ответ: «Подрастешь – поймешь».

Спасало то, что рядом был дедушка, который сам побывал на фронте в годы Первой мировой войны и всегда лестно отзывался о ее участниках и моем отце, считал его самым лучшим зятем. Чувство гордости у меня вызывало то, что отец находился на передовой и боролся с фашистами. Хотя это страшное слова нередко срывалось с уст местных жителей, особенно подростков, в адрес нас, прибывшей сюда немецкой детворы. Помню, мы иногда отлавливали таких обидчиков и устраивали им «сальто-мортале».

Дедушка хорошо говорил на русском языке, освоил частично и казахский. Проживавшие в селе и окрестностях казахи были у него частыми, желанными гостями. Особенно из ближайших лесничеств, у которых он получал добротный лес в обмен на готовые столярные изделия.

Для нас, сельской детворы, самыми запоминающимися и радостными событиями были рождественские праздники. В ночь под рождество все мы, внуки (а у деда уже к началу пятидесятых годов их было около двух десятков), старались встать как можно раньше, высматривали лучик света в окне столярной мастерской деда, чтобы успеть первыми его поздравить с праздником. И непременно добротным, выученным наизусть по этому поводу немецким стихом. Уравниловки у деда не было: самый первый, смелый и находчивый одаривался наибольшей денежной премией в пять рублей, все же остальные по нисходящей – до одного рубля.

Эта традиция сохранялась, пока дедушка и бабушка были живы. У деда было два кумира в жизни – Бог и Ленин. С Богом у него была связана надежда на вечную жизнь после смерти, с Лениным – на лучшую жизнь при жизни. Приятно вспомнить, что портрет Ленина на белой стене, как икона, как воплощение справедливости, в красивой рамке под стеклом, всегда висел у него в прихожей дома.

В селе до смерти Сталина – «отца всех народов» – царило какое-то подавленное настроение. Я тогда учился в местной семилетней школе. Наличие комендатуры, где всем немцам села, маме и нашим родственникам приходилось один-два раза в месяц отмечаться, вызывало раздражение и протесты. И мы, подростки, пытались как могли нашкодить местному коменданту. Забирались вечерами на чердак двухэтажной канторы колхоза, в которой размещался его кабинет, а он частенько там засиживался допоздна, играли в прятки, гоняли голубей. Услышав шум, он ловил нас, за уши приводил в кабинет, угрожал расправой и пистолетом.

В конце войны в наше и окрестные села в качестве спецпереселенцев прибыло несколько семей чеченцев. Это прибавило коменданту хлопот. Помню, как в период уборки в конце сороковых годов по селу пронесся слух: «Коменданта убили». В тот же день группу чеченцев, подозреваемых в убийстве, привезли в село, связали и бросили в один из колхозных амбаров. Мы с ужасом наблюдали, как самые крепкие мужики села нещадно били их, затем наряд милиции увез их в райцентр. Что с ними потом стало, никто не знал. Инцидент, как стало известно позже, произошел в бригаде, когда коменданту доложили о краже зерна. Выяснив, что это дело рук чеченцев, он с пистолетом на взводе, решил их задержать. А воры, спрятавшись в местной школе, дожидались его и, петляя по лабиринтам классных комнат, из-за угла всадили ему в горло нож.

В селе случалось и многое другое. Загадочным образом исчезали люди, говорили, что они якобы что-то не то сказали или что-то не то сделали.

А что именно, никто не знал. Среди бесследно исчезнувших из села людей был и один немой немец, над которым мы постоянно подшучивали. Потом мы узнали, что его «забрали» за то, что он показал уже новому коменданту комбинацию из трех пальцев.

На слуху был случай, когда местному портному-немцу дали десять лет тюрьмы: «стукачи» донесли коменданту, что у него есть родственники за границей и что он нелегально получает от них письма.

Поплатился свободой и отчим. Работая бухгалтером колхоза, он, имея разрешение, приобрел за наличный расчет набор упряжи для тройки лошадей председателя, на которой он ездил в райцентр на совещания. Председатель выкрутился, а отчиму дали пять лет. Вскоре после смерти Сталина он был амнистирован...

Естественно, что в школе и дома об этих странных случаях только шептались. Да и было ли у нас, подростков, время задумываться о том, что вокруг творилось. Занимало другое, как помочь родителям добыть еду, заготовить на зиму топливо и корм для коровы. Летом в колхозе помогали сгребать и скирдовать сено, поливали капусту, возили воду, месили навоз, сушили его и складывали в причудливые пирамиды и штабеля. Осенью убирали картошку, собирали оставшиеся в поле колоски, вымолачивали их на ручных самодельных жерновах, растирали зерно, пекли лепешки, ели макуху.

Шел 1954 год. Я заканчивал местную семилетнюю школу. В один прекрасный солнечный зимний день поехали мы с другом за сеном. Только стали нагружать подводу, как началась сильная метель. Отъезжать от стога было нельзя. Решили подождать. Поставили подводу с подветренной стороны, вырыли в стогу укрытие и там спрятались. Было удобно и относительно тепло. Снежные метели в наших краях тогда были злыми. Запросто можно было замерзнуть или заблудиться. Такое случалось здесь не раз. Время от времени проверяли, не замело ли нас вообще, для чего взяли на всякий случай лопату. И чтобы не задремать, начали рассказывать друг другу различные истории. Случайно, как бы между прочим, друг спросил меня: «Слушай, уже давно хотел тебя спросить: где твой отец? Говорят, пропал без вести. А ведь немцев на войну не брали».

Я оробел. Хотел что-то объяснить. Но после двух-трех предложений выяснилось, что сам-то я толком ничего не знаю. Не только об отце, но и о том, где мои родители, бабушка и бабушка родились, где и как они жили до войны, как оказались здесь. И только со временем, через годы, передо мною все яснее и очевиднее предстала драматическая судьба немцев, судьба многих моих родственников, отца, мамы и моя собственная.

В школе у нас были классные учителя. Кроме мамы, овладеть русским языком помогли мне Евдокия Ильинична Зубова и Павел Филиппович Плюта, математик – Трифон Илларионович Тимко. Они были моими первыми учителями. В школе Трифон Илларионович наводил на всех нас страх. Пошевелиться на уроке было нельзя. Стояла гробовая тишина, когда он объяснял урок или доказывал теорему. После неудачного ответа он непременно произносил: «Тупица» – и ставил кол. Единицы также стояли в тетрадах по математике, когда обнаруживались орфографические ошибки в текстах условий к решению задач. Прекрасно зная русский язык, он хорошо владел и немецким. Позже, когда я работал в этой школе учителем, он активно участвовал в художественной самодеятельности, великолепно сыграл роль Дикого из пьесы Островского «Гроза». В школе шептались, что он был в плену.

К сожалению, в немецком языке я не преуспел. Дело, видимо, было не только в детском и юношеском максимализме, связанном с войной, но и с тем, что в обстановке жестких и абсолютно несправедливых гражданских ограничений, продлившихся до конца 1956 года, немцам даже разговаривать на родном языке не всегда было безопасно. Помню, когда я учился в пятом классе, мама выпросила у местного коменданта разрешение отвести меня в райцентр в больницу. В городе говорили только на русском, так как говорящие по-немецки вызывали недоброжелательное, скрыто враждебное отношение.

О судьбе моего отца ничего не было известно вплоть до смерти Сталина. Все было покрыто мраком. Высказывались предположения одно страшнее другого. И только 19 июня 1953 года пришло сообщение из военкомата, что отец, находясь на фронте, в августе 1941 года пропал без вести.

Это сообщение не успокаивало, вызывало новые тревоги. Что значит пропал? Как это без вести? Почему никто ничего не знает? Хотелось плакать и звать на помощь. Но кого?

Тогда было невдомек, что пропавших без вести на войне, особенно в начальный ее период, насчитывались десятки, сотни тысяч.

Глава 2

Вот такие, как «ого»

Все эти «проклятые» вопросы о статусе моей мамы, моих родственников как спецпереселенцев, моего отца как «пропавшего без вести» мучили меня всю жизнь, не давали покоя.

Еще учась в Дмитриевской средней школе, где всех старшеклассников буквально заставляли вступать в комсомол, я видел, как некоторые ребята и девушки немецкой национальности по каким-то соображениям никак не поддавались на уговоры. Это относилось не только к верующим учащимся, которых в школе было немало, но и ко многим другим, которые были замкнуты и не участвовали в общественной жизни.

Чувствовать себя спецпереселенцем среди свободных товарищей, друзей было тяжело, унижительно. Хотелось вырваться из этих тисков. Ведь спецпереселенец был социально и морально не защищен. Уповать он мог только на сострадание, на Бога.

Вспоминается случай, произошедший на одном из колхозных собраний в нашем селе, на котором я присутствовал, когда находился дома на летних каникулах. Мне тогда исполнилось пятнадцать лет.

Это было собрание колхозников, где председатель сельского совета с пафосом говорил об огромных достижениях колхозного строя и о том, каким будет наше село к концу наступившей новой пятилетки.

Под одобрительные возгласы присутствующих он отметил, что по плану к концу пятилетки будет построен новый Дом культуры.

И тут я не сдержался и в притихшем зале произнес: «Ого, как долго еще ждать». Эта фраза стоила мне дорого. Я был унижен, растоптан, размазан по стенам. Председатель после получасового нравоучения отнес меня к категории несознательных элементов, таких как «Ого», которые хотели бы поставить колхозную телегу впереди правительственной лошади, не зная о том, что в нашей родной советской стране все идет строго по плану.

Тут надо сразу оговориться: Дом культуры в моем родном селе Николаевке не появился ни за пять, ни за десять, ни за пятнадцать лет. Понадобилось целых четыре пятилетки. А на строительство дороги, соединяющей село с г. Щучинском, еще вдвое больше времени.

Уже тогда в моих глазах наша хваленая плановая экономика, о которой в те годы так много говорили коммунисты, вызывала у меня скептическое отношение. Позже уже я всегда с большим недоверием относился к реальности намеченных планов, как и к лозунгам о том, что уже через двадцать лет мы будем жить при коммунизме, а к 2000 году каждый наш труженик будет иметь отдельную квартиру.

Так уж случилось, что мои юношеские годы, как и у многих, были связаны с комсомолом. Нельзя сказать, что к комсомолу меня тянуло, что я стремился попасть на комсомольскую работу. Иллюзий на этот счет я не питал. Просто не хотелось плестись в хвосте, быть белой вороной. К тому же отец, по рассказам, ходил в немецкой республике в активистах, а мама всегда следовала его примеру. Прятаться за спины других совесть не позволяла.

Успешно окончив среднюю школу уже комсомольцем, я поступил в Щучинское физкультурно-педагогическое училище. Спортом я увлекался давно. Особенно лыжами, которых в то время в школах было крайне мало: в Николаевской, если мне память не изменяет, пар восемьдесят, в Дмитриевской – и того меньше. Пришлось искать выход из положения. С помощью деда в его столярной мастерской (а она у него была отменная, его изделия: оконные рамы, стулья, столы, табуретки, двери и прочее – славились на всю округу), мы вырезали из куска сухой березы две доски нужной длины и толщины, обработали их, в кипяченой воде загнули

носовые части, придали им форму лыж, просмолили, пристроили крепления – и лыжи в селе были на удивление всем. Они хорошо гнулись, на них можно было спускаться с любой горы, прыгать с трамплина. А главное – не приходилось часами, со слезами на глазах, упрашивать преподавателя физкультуры выдать их на воскресенье или каникулы. Позже уже на этих «самоделках» я неоднократно совершал лыжные 45-километровые переходы Дмитриевка – Николаевка, Николаевка – Дмитриевка. Видимо, это обстоятельство и послужило поводом к тому, что я оказался в педучилище на физкультурном отделении. Мне нравилось заниматься спортом, и уже на первом курсе я выполнил норму третьего спортивного разряда по гимнастике и второго – по лыжам. Разумеется, даже не помышлял, что стану объектом внимания руководства училища. Жил на частной квартире, стипендия была мизерная, перебивался как мог. Ждал соревнований, в ходе которых по талонам можно было позволить себе долгожданный стакан сметаны, иногда даже с сахаром.

Первый раз ощущение сытости в педучилище я испытал, когда наша преподавательница музыки попросила организовать группу ребят, чтобы распилить и расколоть у нее дома машину дров. Такая группа была сформирована, и в воскресенье – по окончании работ – мы были отблагодарены обильным обедом, роскошно приготовленными сибирскими пельменями в масле, настоянными в духовке.

Здесь, в Щучинске, впервые передо мной предстала неповторимая красота Борового. В окрестностях города бродил, как зачарованный. Силуэты гор приобретали какие-то причудливые очертания. Они напоминали фигуры внезапно окаменевших животных, руины старых замков и крепостей. На фоне горы Кокшетау возвышалась какая-то скала, вершина которой напоминала лежащего слоненка. Позже я узнал, что это Окжетпес.

Из вод Голубого залива, озера Боровое, поднимался загадочный каменный утес под названием Жумбактас. Здесь же неподалеку плечом к плечу гордо стояли неразлучные Три сестры. С перешейка между озерами Боровое и Большое Чебачье виднелись горы Бурабай (Верблюды) и Жеке-Батыр (Спящий рыцарь).

За время учебы мы не раз совершали экскурсии в Боровое, покоряли гору Кокшетау, самую высокую часть Кокшетауской возвышенности, даже спускались вниз по «Чертовой катушке», отвесной плите, тщательно, до блеска, отполированной искусным мастером – природой.

Здесь впервые услышал и не могу не воспроизвести одну из красивейших легенд о здешних местах. Вот она: «Когда Аллах создавал мир, то одним из народов достались богатые леса, тучные поля и широкие реки, другим – красивые горы и голубые озера. Казахский народ получил одни степи. Обидно это показалось казаху, и он начал просить создателя уделить ему частичку великолепия природы. И вот Аллах выскреб со дна своего коржуна и бросил посреди безбрежной, ковыльной степи остатки живописных гор и озер с хрустально голубоватой водой, разбросал щедрой рукой изумрудные луга, покрытые цветами, ключи со студеной водой и весело журчащие ручьи. Покрыл горы пестрым ковром из разнотравья, населил леса зверями и птицами, озера – рыбой, луга – насекомыми и бабочками, каких не встретишь в степи на сто верст. Так и возникло Боровое».

Пожалуй, надо остановиться, передохнуть. Вернуться к тому, как я вдруг попал на комсомольскую работу.

Однажды во время тренировок меня пригласили в кабинет к директору. Думаю, чего это ради. Провинился что ли? Ан нет. Парторг училища, обаятельная молодая учительница педагогики Буркова Светлана Васильевна (через год стала секретарем обкома комсомола по школам, затем работала в ЦК), ошарашила меня: «Завтра у нас состоится общее комсомольское собрание, мы будем рекомендовать тебя комсоргом». Я взмолился! За что такое наказание? Отказываюсь, и все тут! Но выбор был сделан. Отвертеться нельзя. Демократия была строго партийной.

Сейчас я понимаю, что выбор пал на меня вовсе не случайно. И не только потому, что хорошо учился, был прилежным студентом, но и потому, что в училище стало известно, что мой отец был участником войны, мама получала тогда на меня пособие, которое было несколько большим, нежели стипендия.

А в этом случае стипендия мне не полагалась: я оказался вроде уже государством социально защищен, а значит, и обязан.

Так началась моя растянувшаяся на долгие годы, захватывающая общественная работа, где было, конечно, все: взлеты и падения, успехи и неудачи, «души прекрасные порывы» и разочарования.

Педучилище тогда было на хорошем счету (лучшая в городе художественная самодеятельность, самые высокие показатели в спорте), а значит, выделялась на этом фоне и комсомольская организация, хотя ничего особенного мы не делали.

Помнится, что бичом в общежитиях в то время было воровство. Частенько из тумбочек студентов пропадали вещи, деньги. Заявлять об этом в милицию руководство не решалось: подрывались имидж и репутация самого благополучного учебного заведения. За наведение порядка взялись сами. Пострадавшие с санкции комитета комсомола устраивали «темную» тем, кто подозревался, и кражи в училище вскоре прекратились. Просто и эффективно. В памяти осталась такая деталь: мне, как секретарю, на общеучилищной линейке комсорги групп еженедельно докладывали о том, кто из комсомольцев за предыдущую неделю получил неудовлетворительные оценки. Это продолжалось до тех пор, пока среди комсомольцев не стало неуспевающих.

Крайне негативное отношение к лени и воровству у меня сохранилось еще с детства, когда из уст нашего деда я частенько слышал, что из всех болезней, из всех человеческих недостатков эти два порока являются самыми опасными.

Уже позже понял, насколько они были созвучны с теми отрицательными качествами, которые советовал избегать великий сын казахского народа Абай:

Сплетня, ложь, хвастовство,

Лень, расточительство —

Пять врагов твоих, коль хочешь знать.

Педучилище окончил с очень лестной характеристикой, смысл которой состоял в том, что я — один из лучших среди учащихся. Дисциплинирован. Любопытен. Трудолюбив. Учусь только на хорошо и отлично. Постоянно работаю над собой, много читаю. Пользуюсь большим уважением среди учащихся и преподавателей. Как секретарь комсомольской организации являюсь инициатором хороших, полезных дел. Активно участвую в общественных мероприятиях не только сам, но и умею привлечь к ним других комсомольцев, обладая хорошими организаторскими способностями. Люблю спорт и т. д.

С такой характеристикой открывалась широкая дорога в институт. Но учиться там было не на что. Мне перевалило за восемнадцать лет, государственная поддержка закончилась. О моем отце, как пропавшем без вести, по-прежнему никаких сведений не было.

Отчим, вернувшись из тюрьмы, продолжал попивать. Семья жила на скудную школьную зарплату мамы.

Надо было устраиваться на работу. И тут обо мне вспомнили...

Как-то в один из летних дней, когда солнце уже клонилось к закату, к нашему дому в селе (я в это время ремонтировал крышу) подкатил на мотоцикле высокий стройный молодой человек. Я узнал его. Это был первый секретарь райкома комсомола Валентин Власенко. В Щучинске мы не раз с ним встречались. Среди студентов он пользовался известностью. С ходу предложил мне работу в райкоме комсомола инструктором по работе среди школьной и студенческой молодежи.

Предложение было лестным. Оно сулило мне хоть какую-то возможность дальше самостоятельно строить свою жизнь, а главное – иметь какой-то заработок. Хорошо помню, что, когда меня утверждали на бюро райкома партии, кто-то с ехидцей спросил: «А пионером был? Какие поручения выполнял?» Что был комсомольцем и секретарем помнил хорошо. А вот пионером, был ли? В нашем отдаленном селе тогда после войны на галстуки и красного материала-то не было. Какая уж тут организация. Я бойко ответил, что собирал на колхозном поле колоски и был, конечно же, единогласно утвержден.

Сейчас уже трудно вспомнить, чем мы там, в райкоме комсомола, занимались. Но вскоре я уехал в родное село. Устроился на работу в школе, вел там физкультуру, в некоторых классах историю, русский язык и литературу.

А поводом послужил довольно банальный случай. В 1961 году, в год своего двадцатилетия, я предпринял отчаянную попытку поступить на учебу в МГУ, на философский факультет. И потерпел неудачу. На пятьдесят мест тогда было подано четыреста заявлений, а к концу экзаменов тех, кто набрал соответствующий проходной бал, оказалось порядка шестидесяти-семидесяти человек, в том числе и я. Открывалась реальная возможность учиться в Москве. Но не тут-то было. При зачислении стало известно, что половина мест на отделении отводится абитуриентам из Африки и Китая. Не исключался и национальный момент. С Москвой, где был впервые, распрощался с чувством обиды и боли. Это была моя первая, самая большая неудача в жизни...

Разумеется, было очень приятно оказаться в родной школе, в гуще сельской жизни, среди родных мне людей, с которыми было связано мое детство. Здесь в это время познакомился со своей будущей супругой, которая после окончания Алма-Атинского пединститута им. Абая приехала сюда по распределению, вела химию и биологию.

Роскошная, стройная южанка, невесть как оказавшаяся в здешних местах, где Макар телят не пас, к тому же учительница, комсомолка и просто красавица, вызвала к себе повышенный интерес окружающих, особенно у местных парней, естественным желанием которых было «прибрать ее к рукам», как это случалось со многими, приезжавшими сюда по направлению молодыми «училками», как выражается известный телеведущий программы «Поле чудес» Леонид Якубович.

Эти знаки внимания к незнакомке меня почему-то задевали, раздражали, вызывали чувство дискомфорта, ревности, желание противостоять этому.

Совместная работа в школе, активное участие в организованной мной художественной самодеятельности, сельские упоительные вечера, «балы», вальсы под гармошку (ах, как она танцевала!), походы на речку Арчалу вблизи деревни, первый поцелуй, как легкое дуновение теплого летнего ветерка сделали свое дело и окончательно сблизили нас.

Разъехавшись после года работы в школе, мы уже были в плену друг у друга.

Новый 1964 год и совместная встреча его в Кокчетаве, где я работал, стал знаковым, годом нашей свадьбы.

Мать Лукерья Карповна, моя будущая теща, приехав в Кокчетав и познакомившись с моей мамой в Николаевке, благословила нас.

Две свадьбы – северная и южная, особенно южная, с «ряженными» по русскому обычаю, с квашеными огурчиками и свежей картошечкой с огорода, водочкой, что лилась рекой, тетей Мотей, наряженной в вывернутую наизнанку шубу в летнюю жару, стали незабываемыми.

Вскоре, в 1965 году, у нас в Щучинске родился любимый сын (утром меня видели прыгающим от радости вокруг роддома), а в 1970 году уже в Алма-Ате любимая дочь, как я и без УЗИ, точно предсказал.

Заветная обоюдная мечта иметь счастливую семью, любимых и любящих детей, осуществилась.

Мы всегда в этой жизни что-то теряем, а что-то больше все же находим, а находим чаще всего самих себя. Главное доверять своим чувствам, не терять, беречь их, и судьба подарит нам то, что мы заслуживаем, а заслуживает каждый из нас главное – любовь.

Оставим лирику, вернемся к будням.

Конечно же, в селе к тому времени «запланированный» Дом культуры не появился, сельский клуб по-прежнему размещался в помещении бывшей церкви, которая когда-то величественно возвышалась на самом видном месте в центре села. Старожилы рассказывали, что в двадцатые годы церковь вообще пытались разрушить, подогнали всю имеющуюся технику, но справиться с прочной кладкой стен не смогли и вынуждены были уже после войны переоборудовать ее под склады, а потом под клуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.